

Учреждение Российской академии наук
Институт славяноведения РАН

ЗНАКИ ВРЕМЕНИ
В СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЕ:
ОТ БАРОККО ДО АВАНГАРДА

Москва
2009

А. Д. Кошелев (Москва)

**Об универсальных концептах
«Время» и «Старый»
(когнитивный подход)**

0. Введение. К определению концепта «Время»

В 1994 году в Институте языкознания РАН под руководством Н.Д. Арутюновой проходила конференция «Язык и время». Было много интересных докладов, но обсуждались, главным образом различные частные проявления категории «Время». На заключительном заседании, после подведения итогов конференции, я, воспользовавшись паузой, обратился к аудитории с вопросом: «Так может кто-нибудь просто и коротко объяснить: Что такое Время?». Воцарившуюся на несколько секунд тишину, вдруг нарушила Татьяна Вячеславовна Булыгина:

(1) «Время — это наша концептуализация происходящих в мире изменений».

Это определение до сих пор кажется мне лучшим. В данной статье я хотел бы: 1) описать структуру концепта «Время» как специфическую концептуализацию «происходящих в мире изменений», и 2) объяснить общее значение прилагательного *Старый X* как концептуализацию цикла «жизни» объекта *X* и указание на последнюю, «предсмертную» фазу его существования.

Понятно, что концепты «Время» и «Старый» универсальны, по крайней мере, в рамках европейской культуры (универсальными я называю общечеловеческие концепты, не зависящие от того или иного конкретного языка и в этом плане противопоставленные этнокультурным, или лингвоспецифическим концептам).

1. Концепт «Время»

В определении (1) содержатся два фундаментальных компонента: а) «внешний», фиксируемый восприятием — происходящие в мире изменения, и б) «внутренний» — концептуализация этих изменений, т. е. их интерпретация (осмысление) в терминах человеческих желаний и целей.

1.1. Изменения наблюдаемые и ненаблюдаемые. Происходящие в мире изменения человек фиксирует своим сенсорным аппаратом. Этот аппарат так устроен, что человек способен непосредственно фиксировать только быстрые изменения. Если, к

примеру, мы смотрим на циферблат часов, то движение секундной стрелки мы видим сразу. Быстрые изменения автоматически регистрируются в сенсорном регистре человека, в его иконической памяти, хранящей его «фотографические» (без обработки) впечатления очень короткое время ([Клацки 1978: 37 и сл.]). Когда изменения прекращаются и пауза длится более нескольких секунд, она целиком заполняет иконическую память — данные изменения прекратились. Поэтому уже движение минутной, а тем более, часовой стрелки мы непосредственно не видим. Напротив, они для нас видимо неподвижны, поскольку заметное глазу перемещение стрелки требует гораздо большего количества секунд.

Аналогично, мы непосредственно можем видеть, как человек идет, ест, смеется и под., но мы в принципе не можем видеть такие медленные действия как рост дерева, пожелтение его листьев или такие интегральные, сложные действия, которые называют фразы типа *Мать растила и воспитывала детей*, ср. известные примеры: некорректность фразы **Я видел, как она руководила своими аспирантами* и корректность фразы *Я видел, как она смеялась*.

Итак, в непосредственном восприятии окружающий мир предстает в целом неподвижным и неизменным с локальными быстрыми (наблюдаемыми) перемещениями и изменениями. Однако в концептуальном представлении окружающий нас мир, включая и его визуально неподвижную составляющую, постоянно изменяется (концепт «Время»). Постараемся объяснить, как и почему возникает эта концептуализация.

1.2. Текущие действия. Надо сказать, что уже непосредственно наблюдаемые действия часто являются составными, складываются из более мелких, элементарных действий (порций изменений). Например, действие «есть, кушать» складывается из следующих элементарных действий: взять кусочек еды (рукой или вилкой), положить его в рот, прожевать и проглотить.

Что же придает последовательности изменений целостность и законченность действия, отделенность от других, предшествующих и последующих изменений? Исключительно их интерпретация, т. е. приписывание каждой последовательности изменений некоторой самостоятельной человеческой цели, или желания, которые она (эта последовательность) реализует. Например, последовательность наблюдаемых изменений «взять кусочек еды» реализует цель ‘получить возможность манипулировать этим кусочком’, последовательность изменений «положить его в рот» реализует свою цель и т. д.

Почему же эти элементарные действия, следуя друг за другом, объединяются в целостное действие более высокого порядка, скажем, в действие «есть»? Ответ ясен. Потому, что эта объединенная последовательность элементарных действий получает

новую, единую интерпретацию: она постепенно удовлетворяет желание человека ‘насытиться’.

Условимся такие «быстрые» непосредственно идентифицируемые действия называть **текущими**: в любой момент мы можем наглядно определить, осуществляются, протекают они, или прекратились (прервались). Подчеркнем: **текущее действие** — это самостоятельный и универсальный процесс, независимый от человеческого мышления и языка. Нет сомнения, что высшие животные (шимпанзе, собака) наблюдая, как человек ест, хорошо понимают это его действие: что и зачем он делает (а также и аналогичные действия друг друга).

1.3. Актуальные действия. Обратимся теперь к более сложным действиям, — к действиям-референтам процессных глаголов *есть, пить, идти* и под. Легко понять, что они не являются непрерывными текущими процессами. Рассмотрим, к примеру, действие-референт фразы *Иван пьет чай*. Как правило, это действие состоит из последовательности отдельных, прерывающихся текущих действий «пьет чай»: Иван сделает глоток-другой (текущее действие «пьет чай 1»), поставит чашку, съест ложечку варенья (первое текущее действие прервалось, поскольку прошло более 2-х секунд и в сенсорной памяти возникло другое — «ест варенье 1»), скажет что-то другим участникам чаепития (текущее действие «говорит 1»), снова сделает несколько глотков («пьет чай 2») и т. д. Тем самым, в процессе чаепития, на отрезке времени 15—20 минут, перемежаются несколько последовательностей текущих действий: Иван «пьет чай 1, 2, ...», «ест варенье 1, 2, ...», «говорит 1, 2, ...» и т. д. Несмотря на такую мешанину разнородных текущих действий, мы можем сказать: *Иван пьет чай*, или *Иван ест варенье*, или *Иван разговаривает*, выделяя («вычесывая») каждой фразой из этой перемежающейся мешанины разнотипных текущих действий нужное нам действие-референт — последовательность однородных текущих действий: «пьет чай: 1, 2, ...», «разговаривает: 1, 2, ...» и пр.

Это, однако, не всегда возможно. Рассмотрим такую ситуацию. Человек несет тяжелый чемодан, останавливаясь иногда для отдыха. Здесь также смешанная последовательность текущих процессов: процессы «несет» (тек) перемежаются текущими процессами «отдыхает» (тек). И в данном случае о совокупности прерывистых действий «несет чемодан 1, 2, 3 ...» можно сказать *Он несет чемодан*. Однако о второй прерывистой последовательности — «отдыхает 1, 2, 3 ...» — уже нельзя сказать **Он отдыхает*. Естественно спросить, почему? На первый взгляд, это странно. Ведь мы понимаем, что каждая последовательность будет продолжаться. Объяснение простое: в первом случае последовательность прерывающихся текущих действий «несет чемодан 1, 2, 3 ...» объединена общей целью — ‘донести чемодан’, которая не утрачивается во время отдыха. Во втором же случае элементы последовательности

«отдыхает 1, 2, 3 ...» не имеют такой объединяющей интерпретации: желание отдохнуть появляется, когда Иван устает, и исчезает, когда он чувствует, что готов нести чемодан дальше.

Мы видим, что эти действия — продукты нового уровня интерпретации, на котором прерывистые последовательности текущих действий объединяются в более сложные целостные действия. Условимся называть их **актуальными** действиями: *Иван пьет чай / разговаривает / несет чемодан / пишет письмо / читает газету* и под. Актуальными мы называем эти действия потому, что они могут актуально продолжаться и при отсутствии текущего действия. Поэтому человек, отдыхая в очередной раз, на вопрос случайного знакомого: что ты тут делаешь? вполне может ответить: *Да, вот, чемодан тащу!*

Окончание актуального действия уже не наблюдаемо. Если мы видим, что Иван перестал пить чай и стал делать что-то другое, это может означать как локальное, текущее прекращение, которое вот-вот возобновится (актуально процесс чаепития продолжается), так и окончание актуального действия чаепития — при условии, что утрачивается цель, его порождавшая или возможность его продолжать. К примеру, Иван напился чаю или возникло какое-то непосредственное препятствие для продолжения чаепития, скажем, кончилась заварка.

1.4. Фоновые действия. Точно также, из последовательности актуальных действий составляется еще более глобальное действие, которое можно назвать фоновым, потому, что оно растягивается на дни, месяцы и годы. Примерами фоновых действий могут служить действия-референты фраз *Иван строит дачу / пишет роман / учится*. В промежутках между актуальными действиями строить (непосредственно заниматься строительством) могут осуществляться самые разные другие актуальные действия: обедать, читать и пр. Проиллюстрируем все три типа действия: текущее, актуальное и фоновое на примере действий-референтов глагола *ехать*.

1) Текущее, непосредственно наблюдаемое действие — референт фразы *Иван едет домой*, сказанной об Иване, едущем в момент речи;

2) Актуальное действие — референт фразы *Иван едет домой* (с работы), отнесенной к Ивану, остановившемуся в момент речи у табачного киоска;

3) Фоновое действие — референт фразы *Иван едет домой* (из отпуска), отнесенной к Ивану, который остановился в кемпинге и в момент речи, скажем, собирается лечь спать.

1.5. Совместимость действий. Выявленная концептуальная структура действий-референтов процессных глаголов позволяет объяснять совместимость / несовместимость этих действий и, соответственно, противоречивость и непротиворечивость

описывающих их высказываний. Представьте такую ситуацию: вы подходите к очереди в магазине и спрашиваете у замыкающего ее: *Вы последний?* Он отвечает: *Нет, за мной стоит вон та женщина, идущая к кассе.* Казалось бы, фраза явно противоречива: не может человек одновременно идти и стоять. Однако, как мы понимаем, что никакого противоречия нет, поскольку глагол *стоять* употреблен в актуальном значении, допускающем разрывы текущих действий «стоит», а глагол *идет* — в текущем значении. Его референт — текущее действие «идет» как раз и вклинивается в один из таких разрывов. Однако, как только оба глагола употребляются в текущем значении, фраза моментально становится противоречивой (если она не взята из какого-то научно-фантастического рассказа): **Я оглянулся и увидел, что за мной стоит женщина, которая только что шла к кассе.*

По аналогичным причинам фраза *Иван пьет чай и читает сыну сказку* совершенно нормальна, хотя нельзя в один и тот же момент пить чай и читать вслух, а фраза **Иван несет чемодан и отдыхает* некорректна (более подробно о введенных типах действий и их совместимости см. в [КОШЕЛЕВ 2003]).

Выделенные три типа действий (текущие, актуальные и форовые) и являются, на наш взгляд, основными составляющими концепта «Время» — человеческой концептуализации «происходящих в мире изменений».

2. Концепт «Старый»

В качестве одного из воплощений концепта «Время» рассмотрим значение прилагательного *старый*. Словари выделяют у него несколько разных значений. Так, в толковом словаре [Словарь УШАКОВА] дано 13 частных значений и ряд фразеологизмов. Однако интуиция нам подсказывает, что это слово имеет какое-то единое инвариантное значение.

2.1. Старый — это ‘возникший давно’? Сравнительно недавно один известный лингвист на основе тщательного анализа множества различных употреблений прилагательного *старый* с предметными именами, сформулировал такой инвариант: предмет является старым, если он ‘возник / начал свое существование / создан давно относительно момента речи’ ([Рахилина 2000: 201]).

Данная характеристика типична и охватывает многие употребления этого слова. Однако ее нельзя признать адекватной. Главный ее изъян в том, что она выражает относительную характеристику, тогда как *старый*, — это, безусловно, характеристика качественная. Сказанное подтверждают и контрпримеры, показывающие, что с одной стороны, слово *старый* применимо к некоторым предметам, возникшим совсем

недавно, а, с другой стороны, оно не применимо, к некоторым предметам, возникшим давно.

Рассмотрим такой пример. Дочь, собираясь на школьную вечеринку, говорит матери: *Не надену я эти старые туфли*, имея в виду совершенно новые на вид туфли, купленные пол года назад и надевавшиеся ею всего пару раз. По мнению дочери, они стали старыми, поскольку вышли из моды, хотя ясно, что они «созданы недавно». Мне могут возразить: а по мнению школьницы, они созданы давно. На это я отвечу: но она надела более «давние» туфли, которые, по ее мнению не вышли из моды и потому не стали старыми. Значит давность — не главный критерий старости.

Другой пример. О костях мамонта, обнаруженных при археологических раскопках, нельзя, как ни странно, сказать **старые кости*, хотя они, конечно же, «возникли давно». В то же время старый человек вполне может сказать о себе *Пойду погредю / попарю свои старые кости*.

Замечание. Можно услышать такое возражение к последнему примеру (типичное для утверждений о некорректности того или иного высказывания): но в некоторых ситуациях кости мамонта можно назвать старыми. Скажем, жена археолога говорит ему: *Тебе эти старые кости дороже семьи*. Объясним нашу позицию. Мы указываем на некорректность не предложения русского языка (как такового), а фразы, т. е. высказывания, отнесенного к какой-то конкретной ситуации. Замена этой ситуации, естественно, может изменить корректность фразы. Именно это и произошло с последним «контрпримером». Он отнесен к другой ситуации. Можно предположить, к какой: жена археолога, желая уязвить его, включила увиденные в его кабинете кости в другую оппозицию: «свежие кости», продающиеся в мясной лавке vs «эти старые, никому не нужные кости». Подтверждением сказанному может служить некорректность выражения **эти старые кости мамонта*, возвращающего нас к исходной референтной ситуации.

Итак, анализируемый инвариант («старый — это возникший давно относительно момента речи») не конструктивен. Неясно, когда его можно применить к предмету, а когда — нельзя. И не потому, что языковой критерий «давно» — расплывчат и относителен. Просто он не релевантен.

2.2. Старый — это «траченный» временем’. Постараемся показать, что слово *старый*, во-первых, отсылает к циклу «жизни» X-а (человека или предмета), а во-вторых, указывает на то, что этот X находится в последней (предсмертной) фазе своей жизни, на которой, под действием времени многие его качества утратились.

Анализ слова *старый* мы начнем с разбора более простых слов *спелый* и *переспелый*, также связанных с циклическим развитием.

Прилагательное *спелый* указывает на некоторую фазу развития органического предмета, а именно: на полноту его качеств — пик его биологического развития.

Наряду с плодами, спелыми могут быть и некоторые другие органические предметы, ср.: *спелая почва* (готовая к обработке, посеву), *спелый лес*, *спелая пшеница*, *Игрок привез свои колоды и горсть услужливых костей, помещик — спелых дочерей* (Пушкин).

Слово *переспелый* характеризует последующую фазу биологического развития плода, когда часть его качеств уже утрачена.

Надо сказать, что слова *спелый* и *переспелый* приложимы к весьма узкому классу органических предметов. К большинству же предметов слово *спелый* неприменимо.

Прилагательное *старый* характеризует несравненно более мощный класс. Здесь, напротив, трудно указать предмет, к которому оно неприменимо. Поэтому его значение гораздо более абстрактно.

Попытаемся описать характеристику слова *старый* подобно слову *переспелый*, — как указание на частичную утрату предметом своих категориальных качеств.

Типологически слова *переспелый* и *старый* близки: *переспелый* задает фазу утраты полноты качеств спелости на пороге «смерти» — гниения, а *старый* — фазу утраты полноты категориальных качеств предмета, также на пороге «смерти» — выхода из своего категориального класса: взрослому дереву присуща полнота качеств дерева, а у старого — упадок этих качеств (оно перестает расти, плодоносить и пр.). У взрослого человека его человеческие качества достигают пика, а к старости — они ослабляются (ухудшается восприятие, слабеет двигательная система и пр.). Новый стул обладает полнотой качеств стула, а у старого — они частично утрачиваются (стул ветшает, расшатывается и пр.). Аналогично, старая открытка еще сохраняет качества открытки, но в сильно урезанном виде, в старой квартире вполне можно жить, но по сравнению с новой квартирой ее качества удобного жилища для ее хозяев в значительной степени утрачены.

В чем же суть значения слова *старый*? На наш взгляд, оно указывает, что 1) произошла частичная утрата полноты качеств предмета, причем 2) эта утрата вызвана самой общей причиной, — действием времени, т. е. действием всеобщих изменений, происходящих в мире, а не какой-то более частной причины: биологическим законом увядания и гниения, болезнью, несчастным случаем и пр. Тем самым постулируется, что предмет X вошел в последнюю фазу своего естественного (обусловленного течением времени) «жизненного цикла». Итак, получаем такое определение:

(2) *Старый X* = 'Предмет X, обладавший полнотой категориальных качеств, вследствие действия времени (самых общих изменений,

происходящих в мире) частично их утратил и вошел в последнюю фазу своего жизненного цикла’.

2.3. Анализ примеров типа а): X стареет сам по себе. Проиллюстрируем сначала важную роль общих изменений в (2). В самом деле, большого человека, утратившего полноту человеческих качеств, нельзя назвать старым. Или: новые кеды спортсмена за две недели тренировок стали полностью изношенными и утратили свои качества. Их, однако, тоже нельзя назвать старыми, поскольку главная причина утраты ими своих качеств не общая — действие времени, а частная — интенсивное использование. По этой же причине, перезрелый или гнилой арбуз нельзя назвать старым: утрата его качеств обусловлена, прежде всего, частными — биологическими причинами.

Важно подчеркнуть, что качества предмета X утрачиваются не полностью. Иначе говоря, предмет «не умирает», т. е. не выпадает из своей категории, а остается в ней. Именно этим условием объясняется корректность фразы пожилого человека *Пойду погрею / попарю свои старые кости* (под действием времени его кости частично утратили свои качества, но по-прежнему функционируют). Отсюда понятна некорректность выражения **старые кости мамонта* (о костях мамонта, обнаруженных при археологических раскопках). Аналогично объясняется некорректность выражений **старая пирамида* (о пирамиде Хеопса), **старая амфора* (о древнегреческой амфоре, хранящейся в музее) — амфора к настоящему времени полностью утратила свой «родной» категориальный признак (‘сосуд для вина’) и обрела совершенно новый — стала музейным экспонатом. Конечно, возможны и корректные словосочетания *старая амфора*, отнесенные не к древней, а к давно используемой и «состарившейся» амфоре. Но в этих случаях они вполне соответствуют определению (2).

2.4. Анализ примеров типа б): X стареет, поскольку «молодеет» его окружение. В предыдущих примерах мы рассмотрели случаи, когда предмет X старел и терял свои качества, поскольку сам изменялся вместе с миром. Но есть еще один тип старения предмета: не за счет синхронных с миром изменений его самого, а за счет обусловленного временем быстрого изменения его окружения.

Вернемся к фразе школьницы, которая говорит матери: *Не надену я эти старые туфли*, имея в виду совершенно новые на вид туфли, купленные год назад и надевавшиеся ею всего несколько раз. Поясним, почему и к ним, согласно данному определению, применимо слово *старый*. Конечно, здесь туфли сами по себе не стали физически старыми, однако их категориальный признак частично утратился и стал таким же, как у физически старых туфель: ‘туфли малопригодны для выполнения своей функции’. И это произошло исключительно по причине изменения контекста: появились новые модели, изменилась мода, и это ослабило полно-

ту качеств тувель. Поэтому есть все основания считать эту утрату следствием исключительно действия времени, поскольку она — продукт общих изменений, которые происходят в мире «сами собой». Следовательно, этот тип старения (помолодело окружение) вполне отвечает общему определению (2), ср. также примеры из [Словарь УШАКОВА]: *Старый урожай, Старый и молодой картофель*.

Часто одно и то же словосочетание могут содержать оба типа значения (указывать на оба типа изменений, «старящих X-а»): а) его собственное старение и б) старение X-а, вызванное появлением более молодого окружения. Например, *старый автомобиль*: а) ‘долгое время эксплуатируемый и почти истративший свой ресурс’, и б) ‘автомобиль старой марки (может быть совсем новым)’; *старый учебник*: а) ‘составившийся от времени’ и б) ‘утративший свою пригодность ввиду появлению других учебников’; *старая дорога*: а) ‘разъезженная, давно не ремонтировавшаяся дорога’ и б) ‘дорога, по соседству с которой появилась более комфортабельная и безопасная дорога’.

Замечание. Можно возразить: но в некоторых случаях категориальные свойства старого предмета, не ослабляются, а наоборот, усиливаются, ср.: *старая икона, старый воин*. Эти выражения, однако, не являются опровержением инварианта (2), поскольку их референты, все-таки стареют в смысле (2). Например, у старой иконы частично осыпались и потускнели краски, рассохлись доски и пр. И в этом плане она утратила полноту своих «физических» качеств. Но одновременно с физическим старением иконы, ее функция носителя святости возросла (это ее частное свойство), и в итоге совокупная полнота категориальных качеств иконы увеличилась. Аналогично, старый воин стал менее ловок и подвижен, но обрел опыт и мастерство и также приумножил в итоге свои совокупные качества воина. Подчеркнем: в обоих случаях частичная утрата исходных качеств произошла, так что инвариантная характеристика (2), на которую указывает слово *старый*, имеет место. Но тип предмета оказался таким, что с течением времени он обретает другие важные качества, с лихвой компенсирующие частичную утрату исходных качеств. Выражение *старый дурак* указывает на противоположный процесс: с возрастом отрицательное качество ‘дурак’ не компенсируется, а напротив, усиливается.

Пример типа б) дает выражение *старый друг*, указывающее не на преклонный возраст друга, а на частичную утрату прежних дружеских связей, возможно, ввиду появления у говорящего новых друзей, в настоящее время теснее с ним связанных. Однако, проверенная временем надежность старого друга, по своей ценности перекрывает ослабление связей, поэтому он оказывается «лучше новых двух».

Прилагательное *старый* применимо только к таким объектам X, «жизненный цикл» которых (время принадлежности к своему категориальному классу) нам понятен. Ведь, согласно определению (2), выражение *старый X* именно и указывает, что X

находится в финальной фазе этого цикла. Сказанное объясняет некорректность выражений типа **старый воздух*. В данном случае нам просто неизвестно, имеет ли воздух ограниченный (обусловленный исключительно течением времени) жизненный цикл, т. е. утрачивает ли воздух со временем свои категориальные качества, и если да, то какие именно. Вполне корректное выражение *спертый воздух* указывает на утрату воздухом качества «свежий», но по более частной причине — отсутствию вентиляции. По аналогичным причинам некорректно сказать **В этом море вода старая*.

3. Заключение. Биологическая концептуализация старения

Мы рассмотрели языковую концептуализацию старения — ослабление полноты качеств объекта, ввиду воздействия времени. Интересно сопоставить ее с биологической концептуализацией.

Во-первых, у биологов конкурируют две точки зрения: одна, по существу, языковая: старение происходит от множества мелких причин, т. е. фактически от действия времени. Другая точка зрения чисто биологическая: старение — это следствие частной причины — действия специальной генетической программы, заложенной в человеке. Иначе говоря, старение аналогично биологически заданному процессу перезревания и гниения плода.

Замечание. В переписке по другому поводу с геронтологом акад. В. П. Скулачевым я, воспользовавшись случаем, спросил: как он трактует слово *старый*? Вот его ответ:

Что касается значения слова «старый», то для биолога — это важная проблема. Например, в англоязычной литературе обсуждаются два понятия: «одно понятие — aging (старение в смысле возраста, не сопровождающееся дряхлением)», и другое — senescence (дряхлость стареющих индивидов). Уже обнаружены нестареющие (точнее — недряхлеющие) существа, например, щуки.

В следующем письме акад. Скулачев привел интересный пример, когда моллюск утрачивает под действием времени полноту своих качеств.

Или другой пример — моллюск жемчужница. В конце концов вес раковины становится «неподъемным» для мышцы «ноги», удерживающей раковину в вертикальной положении на дне реки, моллюск ложится плашмя, его заносит песком и он умирает с голоду.

По-видимому, моллюска с такими ослабленными качествами (близкого к падению и гибели) вполне можно назвать старым.

Приведу в заключение комичный пассаж, из постскриптума письма акад. Скулачева.

О толковании слова «старый»: мне вспоминается спор племянника Пети с приятелем, когда оба были еще в нежном возрасте, о значении словосочетания «сторожевая собака»: один стоял на том, что, это – «собака сторожа», а другой – «старая живая собака».

Фраза *Старая, но еще живая собака* в точности отражает как инвариантное лексическое, так и первое биологическое значение рассмотренного слова.

Выражаю искреннюю признательность Т. В. Самариной за ценные обсуждения статьи.

Литература

КЛАЦКИ 1978 — *Р. Клацки*. Память человека: структуры и процессы. М. 1978.

КОШЕЛЕВ 2003 — *А. Д. Кошелев*. Классификация аспектуальных значений процессных глаголов по референтно значимым признакам // Логический анализ языка: Избранное 1988—1995. М., 2003. С. 315—324.

РАХИЛИНА 2000 — *Е. В. Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

СЛОВАРЬ УШАКОВА — Толковый словарь русского языка / Под ред. проф. Д. Н. Ушакова. Т. 4. М., 1940.